

П. С. Завтрикова

**МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОГО КОМПЛЕКСА
«НАШ ВНУТРЕННИЙ МИР»
(на материале Национального корпуса русского языка)**

В статье обосновывается устойчивость сочетания «внутренний мир» и обращается внимание на то, что, несмотря на семантические трансформации, которым подверглись лексемы, обращенные в компоненты устойчивого сочетания, следы первичных значений компонентов проявляются в метафорике контекстуального окружения. Определены общие метафорические модели и частные ассоциации, вскрывающие механизмы осмысления человеком внутреннего мира членов социума, к которому причисляет себя и сам говорящий.

Сочетание *внутренний мир* характеризуется достаточно высокой степенью употребительности в книжных стилях русской речи. Так, в Основном корпусе Национального корпуса русского языка названное сочетание характеризуется 1 228 вхождениями [1]. Подобная частотность побудила рассмотреть словосочетание *внутренний мир* в контексте фразеологии. В ходе исследования данное сочетание проявило себя как устойчивый комплекс, где оба компонента были метафорически переосмыслены носителями языка: в буквальном смысле внутренний мир не есть мир и только условно внутренний, если учитывать, что человек и его сознание являются частью мира.

Ввиду явной стёртости этих метафор в сознании говорящего, привычности употребления, нейтральности слов, входящих в словосочетание *внутренний мир*, оно не

ассоциируется с фразеологизмом. Стоит отметить и отсутствие единого подхода к пониманию природы фразеологизмов в лингвистике, обуславливающее расхождение мнений ученых и по вопросу классификации фразеологических единиц (подробный обзор существующих концепций изложен А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским в книге «Аспекты теории фразеологии» [2]). Согласно классификации В. В. Виноградова комплекс *внутренний мир* может вполне обоснованно быть назван фразеологическим сочетанием: «В фразеологических сочетаниях синтаксические связи вполне соответствуют живым нормам современного словосочетания. Однако эти связи в них воспроизводятся по традиции. Самый факт устойчивости и семантической ограниченности фразеологических сочетаний говорит о том, что в живом употреблении они используются как готовые фразеологические единицы – воспроизводимые, а не вновь организуемые в процессе речи» [3, с. 30]. И действительно: трудно оспорить тот факт, что данная языковая единица воспроизводится в речи как готовая. «Дополнительными аргументами в пользу фразеологичности, – пишет А. В. Кунин, – являются фиксация оборота хотя бы одним словарем или употребление его тремя различными авторами» [4, с. 45]. Исследуемый комплекс фиксируется авторитетным Фразеологическим онлайн-словарем, составленным на материале 17-ти томного «Словаря современного русского литературного языка». Фиксируется, однако, не как фразеологизм, а как устойчивое сочетание (выражение, данное в «заромбовой» части словаря-источника), наряду с такими сочетаниями как *внутренний голос*, *внутренний взор*, *внутренняя жизнь* и др. [5]. Там же представлены и терминологические именованья вроде *внутреннее ухо*, *внутренний угол*, *внутренние воды*, *внутренние резервы* и др. [5]. Всё это указывает на значительную «популярность» семантики внутренности для разного рода метафорических именованний.

На данный момент сложно отыскать достаточную аргументацию в пользу фразеологичности или нефразеологичности словосочетания *внутренний мир*, поэтому остановимся лишь на его устойчивости – факте, который не вызывает сомнения. Большой интерес для исследователя представляет собой каждое конкретное употребление комплекса *внутренний мир*.

В данной статье мы рассматриваем метафорику внутреннего мира, осмысленного по принадлежности коллективу. Материалом исследования стали контексты Основного корпуса НКРЯ [1]. Посессивный комплекс *наш внутренний мир* не отличается частотностью употребления и фиксируется в Корпусе всего 33 раза. Интересно отметить, что эта цифра, тем не менее, превосходит численность контекстов о внутреннем мире в личной принадлежности – *моём внутреннем мире*; число таких контекстов – 31. Вероятно, подобная картина обусловлена тем, что человек не всегда охотно «выворачивает душу наизнанку» и не всегда стремится к осмыслению себя как части некоего социального единства. А уж тем более к осмыслению «внутренности» подобного единства.

Однако такие контексты существуют, и на их основе можно проследить некоторые закономерности в осмыслении внутреннего мира в целом. Несмотря на небольшое количество таких контекстов, мы ведем речь о метафорических моделях, а не о случайных ассоциативных связях с учетом того, что выявленные схемы метафоризации характерны и для внутреннего мира, осмысляемого в личной принадлежности [6].

Итак, первая выделенная метафорическая модель – **наш внутренний мир есть строение:**

Ищите его в светлых углах нашего внутреннего мира, там, где живут восторг, эстетическое увлечение [К. Станиславский. Работа актера над собой (1938)].

Она является ключом к нашему внутреннему миру, миру наших ощущений [Н. Шабан. Сила даосской улыбки // «Пятое измерение», 2002].

Слова *углы*, *живут*, *ключ*, находящиеся в ближайшем к посессивному комплексу *наш внутренний мир* контексте, объективируют ассоциативную связь внутреннего мира с домом, жилищем человека.

Следующий, очень продуктивный, метафорический перенос связан со способностью нашего внутреннего мира к разного рода **трансформациям**. Наш внутренний мир может углубляться, увеличиваться или уменьшаться в размерах, обогащаться за счет чего-либо, качественно меняться под воздействием чего-либо «внешнего». В зависимости от способа изменения возникают разные ассоциативные отношения:

При этом наш внутренний мир, сжимаясь, все меньше требует обращения к нему, т. к. нарушаются связи личности с обществом [О развитии планетарно-космического мышления (2004) // «Жизнь национальностей», 2004.03.17]. Наш внутренний мир ассоциируется с чем-то **телесным, самопроизвольно изменяющимся в объёме**.

Казалось бы, вещи материальны, а они стали частью нашей духовной культуры, слились с нашим внутренним миром [Д. Лихачев. Письма о добром и прекрасном (1985)]. Наш внутренний мир ассоциируется с **текучей изменчивой субстанцией**.

Смена физической темноты и света действует на наш внутренний мир [Д. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы (1893)]. Наш внутренний мир предстаёт **чувствительной к воздействию света субстанцией**.

В НКРЯ фиксируется около десяти контекстов, в которых идет речь о тех или иных трансформациях нашего внутреннего мира. Такого рода контексты в очередной раз доказывают, как непостоянна психическая деятельность человека и каким потенциалом она обладает.

В следующей группе контекстов наш внутренний мир осмысливается в тесной связи с **внешним миром**. Ряд иллюстраций отражает представления о нашем внутреннем мире как о **системе, организованной по подобию социального мира**:

Считаю, что как в мире физическом, так и в нашем внутреннем мире должны существовать неизменные законы [А. Ладинский. В дни Каракаллы (1959)].

На первый план выступило бы нечто иное, а именно – наш особый внутренний мир со своими критериями оценок и ценностей и со своими внешними проявлениями в наших поступках [А. Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца (1988–1998)].

Встречаются ассоциации нашего внутреннего мира с **природным миром**:

Дело не в их собственной содержательности, а в рельефе нашего внутреннего мира – в кручах и низинах нашей жизни [Д. Данин. Нильс Бор (1969–1975)].

Связь с внешним миром может перерастать в **отождествление**:

Отсюда все дальнейшие откровения Достоевского о чуждом «я», об одиночестве личности, о спасительности соборного сознания, о Боге и о христианстве, о тайне Земли и благодати восторга, о касаниях к мирам иным и т. д. суть только попытки сообщить миру, хотя бы отчасти и смутными намеками, – то, что разверзлось перед ним однажды в катастрофическом внутреннем опыте и что время от времени напоминало о себе в блаженных предвкушениях мировой гармонии перед припадками эпилепсии, – этой, как говорила древность, священной болезни, имеющей силу стирать в сознании грань между нашими переживаниями реализма и идеализма и делать на мгновение мир, представляющийся нам внешним, нашим внутренним миром, а наш внутренний мир – внешним и нам чуждым [В. Иванов. Достоевский и роман-трагедия (1911)].

В нескольких контекстах метафорика отражает совершенно неожиданные, можно сказать, «окказиональные» **авторские ассоциации**. Наш внутренний мир представляется театральной сценой, волшебным инструментом, кораблем, устремляющимся к своей пристани:

Наш внутренний мир – это своего рода сцена, где значимым для нас людям отведены свои роли [Р. Фрумкина. О нас – наискосок (1995)].

Тогда наш внутренний мир настроен тонко и верно, как некий волшебный инструмент, и отзывается на все, даже самые скрытые, самые незаметные звуки жизни [К. Паустовский. Золотая роза (1955)].

Если ты, читая мои первые письма, подумала, что монастырь есть всегда «тихая пристань» для нашего внутреннего мира, ты ошиблась [К. Леонтьев. Четыре письма с Афона (1872)].

Только треть контекстов с анализируемым посессивным комплексом, извлеченных из Национального корпуса русского языка, не характеризуется переосмысленным представлением характеристик внутреннего мира. В связи с этой статистикой напрашивается вывод, что наиболее сложные для постижения разумом «вещи» человек склонен дефинировать с опорой на чувственное («зримое») восприятие.

В заключении настоящей статьи уместно будет вспомнить ёмкую цитату Деметрия Фалерского, которую приводит Г. Н. Складаревская в своей книге «Метафора в системе языка»: «Обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях» [7, с. 6]. По-видимому, данное высказывание без преувеличения можно отнести и к устойчивому сочетанию *внутренний мир*. Первоначальная семантика слов в данном словосочетании утрачена, однако её следы, даже при коллективной «принадлежности» внутреннего мира, заметны в метафорике контекстуального окружения сочетания.

Корпусные материалы помогают понять, что представления носителей языка о внутреннем мире довольно разнообразны, ведь данное словосочетание – *внутренний мир* – называет такое понятие, «понять» которое, вероятно, ещё ни один человек до конца не смог. Тем интереснее представляется его изучение, и настоящее исследование метафорического окружения посессивного комплекса *наш внутренний мир* станет шагом к пониманию психической реальности человека, данной в нетривиальной интерпретации средствами языка.

Литература

1 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 09.05.2018.

2 Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.

3 Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.

4 Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.

5 Фразеология.ру – словарь устойчивых словосочетаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.frazeologiya.ru/fraza/vnutrenniy.htm>. – Дата доступа: 09.05.2018.

6 Завтрикова, П. С. «Мой мир» в метафорическом представлении (на материале Национального корпуса русского языка) / П. С. Завтрикова, Е. В. Ничипорчик // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. в 2 ч. / УО МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол. : С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2017. – Ч. 2. – С. 109–113.

7 Складаревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 152 с.